

Съесть пирог и сохранить его.

Авторитарные тактики выживания и вероятность цветной революции в России

Статья Валери Банс, профессора международных отношений и государственного управления Корнуэльского университета, “Перспективы цветной революции в России”¹ посвящена анализу уязвимостей и сильных сторон российского политического режима (называемого, по дурной традиции политической персонализации, “путинским”). Целью автора является оценить вероятность повторения в России того сценария, который принято обозначать как цветную революцию.

Сложность с этим термином и его смысловым и политическим наполнением — пожалуй, центральная проблема текста. Выражение “цветная революция” в публицистических и научных текстах стало приобретать популярность с 2002 года, придя на смену “бархатным революциям” — мирному транзиту от коммунистических правительств к новой национальной власти на территории Восточной Европы и в постсоветских республиках.

Под цветными революциями принято понимать электоральную трансформацию тех из них, где советские и просоветские диктатуры сменились новыми авторитарными или гибридными моделями, сочетавшими демократический фасад с авторитарными практиками и традиционалистской и изоляционистской риторикой.

Вторая волна популярности термина началась с 2011 года, когда к разряду цветных революций также стали относить события так называемой “арабской весны” — массовые протесты разной природы и с разными последствиями в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Проблемы политологической терминологии двояки: это сложности восприятия и сложности собственно научные. Поскольку предметом интереса политической науки является “совершаемое настоящее”, то есть исторический процесс на современном этапе, актуальность и публичная востребованность рассуждений об этой тематике такова, что она невольно разъедает грань между научным исследованием и политической публицистикой, между анализом и агитацией, между ученым и трибуном. Поэтому политология страдает недостатком нейтральных терминов — почти любые употребляемые ею слова воспринимаются как “хорошие” или “плохие”, “ругательные” или “одобрительные” и мгновенно начинают обрастать дополнительным смысловым шлейфом.

Термин “цветная революция”, который первоначально был призван обозначать нечто позитивное (“цветная” подразумевает что-то прогрессивное, жизнерадостное и некровавое), с середины 2000-х в российском публичном узусе начинает употребляться почти исключительно в смысле “инспирированная Западом насильственная смена режима”².

Вторая проблема серьезней и глубже, чем искажения публичного дискурса и тени, наводимые пропагандой. Правомерно ли объединение событий, происходящих в сходное время в разных странах, в общий политический процесс? Существуют ли цветные революции как таковые, или это в большей степени публицистический конструкт, чем научно наблюдаемое явление?

В современной политической науке идет

дискуссия на этот счет³. Вызывают ли общие причины одинаковые последствия для всех режимов одного типа, или политические активисты учатся друг у друга и заимствуют успешные технологии? От второго вывода один шаг до популярного тезиса о том, что все цветные революции совершаются по учебнику, разработанному не то ЦРУ, не то Госдепом, не то лично Соросом⁴.

Однако, как показывает политическая практика, учатся и заимствуют друг у друга и автократы, ища тактику противостояния реальной или воображаемой угрозе “смены режима при внешней поддержке” (если именно так понимать суть цветных революций)⁵. Сильным и слабым сторонам этого авторитарного ответа в случае России и посвящена работа Валери Банс.

В своем исследовании Банс сравнивает политический режим России с режимами, трансформация которых выразилась в демократическом транзите и более тесных связях с обобщенно понимаемым западным миром: Словакией (1998), Сербией и Хорватией (2000), Украиной (2004) и Кыргызстаном (2005). Волна более и менее насильственных режимных трансформаций в арабских странах 2011-го и последующих годов в статье не рассматривается.

Опираясь на корпус современной классики политологической литературы о гибридных режимах и электоральном (конкурентном) авторитаризме (Левитски и Вэй⁶, Грэм Робертсон⁷, Милан Словик⁸, Беатрис Магалони⁹), автор отдает должное гибкости и резильентности этой политической модели (собственно, именно поэтому, по оценке Барбары Геддес, больше половины населения Земли сейчас живет при режимах, не являющихся ни полноценными демократиями, ни унифицированными диктатурами¹⁰). Одновременно Банс указывает и на ее точку уязвимости — необходимость имитировать демократические процессы, прежде всего электоральные, с достаточной степенью убедительности для внешних и внутренних аудиторий. Сколько ни контролируй процесс выдвижения кандидатов и партий, их финансирование и агитацию, сколько ни консолидируй элиты и ни монополизируй медиапро-

странство, электоральный цикл все равно остается периодом напряжения для системы.

Автор формулирует эти проблемы так: режим не может править, опираясь исключительно на насилие, и особенно стремится выглядеть не тиранией, а законной властью, опирающейся на всенародную поддержку. Для этого насилие применяется по возможности скрыто, под легалистскими предложениями, или делегируется негосударственным акторам. Всенародная поддержка, о которой идет речь, частично имитируется силами государственной пропаганды, но за ней стоят и реальные интересы и рациональные соображения избирателей: гибридные автократы часто выгодно смотрятся на фоне своих более авторитарных или менее эффективных предшественников, а оппозиция им выглядит слабой, раздробленной и скомпрометированной (далее Банс замечает, что непосредственно перед сменой режима оппозиция везде выглядела слабой, раздробленной и скомпрометированной — но об этом позже). Кроме того, непрерывная цепь электоральных успехов внушает гражданам мысль о бессмертии режима и деморализует как оппозицию, так и потенциальных диссидентов в правящей элите.

Однако хитрость в том, что выборы надо не просто выиграть, сохраняя хотя бы видимость законности и приличия, но и избежать протестов по их итогам. Режимы описываемого типа не обладают ни ресурсами, ни должной степенью автаркичности, ни идеологическим капиталом, позволяющим применять фронтальное насилие. Хуже того, даже излишне жесткие меры по отношению к оппозиции (а что правящая прослойка и общественное мнение сочтут в тот или иной момент “излишне жестким”, предсказать трудно) производят впечатление неуверенности в себе и хрупкости режима, который, не забудем, стремится проецировать совсем другой образ себя — непоколебимого всенародного любимца, который до такой степени обожаем устойчивым большинством своих граждан, что может как смело идти на конкурентные выборы (логика “а кого нам бояться?”), так и пренебрегать мелочами демократического протокола (логика “а вы думаете, если бы выборы прошли совсем

честно, результат был бы какой-нибудь другой?”). Как выражается Валери Банс, одновременная поддержка и выхолащивание демократических институтов позволяют современным автократиям укреплять собственную устойчивость, опираясь на поддержку этих институтов, и — в случае необходимости — легко пренебрегать ограничениями, ими накладываемыми. Иными словами, съесть свой пирог и сохранить его. Но у этой политики есть свои оборотные стороны.

Таким образом, режим не может не проводить выборы, не может их не фальсифицировать, а фальсифицируя, неизбежно подвергает себя рискам. Черновая работа фальсификаций, замечает автор, ложится на низовую местную бюрократию, которая самостоятельно пытается угадать, какой именно результат сделают их хорошими исполнителями в глазах вышестоящего начальства. Если режим выглядит устойчивым, местная бюрократия с высокой вероятностью решит, что лучше перестараться, чем недостараться. Результат — чрезмерный процент за партию или кандидата власти, что в перспективе увеличивает вероятность поствыборных протестов. Если оппозиция выглядит серьезным кандидатом на победу и режим слаб, локальная бюрократия может выбрать другую тактику: фальсифицировать поменьше, чтоб защитить себя в случае прихода к власти оппозиции. Тогда альтернативные кандидаты и партии могут и в самом деле победить, и перед режимом-инкумбентом встает неприятная альтернатива: уйти или удерживать власть насильственным путем, отказавшись от процедурной легитимации по Веберу, столь дорогой сердцу современного автократа (ибо традиционная устарела, а революционно-харизматическая ненадежна), и рискуя вызвать широкомасштабные протесты.

Эти дилеммы гибридных режимов достаточно хорошо известны и подробно описаны в научной литературе¹¹. Однако одни режимы с этими дилеммами справляются, а другие становятся их жертвой. Банс задается вопросом, что именно отличает выборы, предшествующие режимной трансформации, от тех, которые к таким результатам не привели? Автор утверждает, что употребляемые в научной литературе и политической прес-

се индикаторы слабости режима — высокий уровень коррупции, ухудшение экономических показателей, значительное снижение управленческой эффективности государства (выражающееся в неспособности контролировать границы, поддерживать полицейский порядок и воплощать в жизнь политические решения) — не позволяют предсказать вероятность цветной революции. Даже такие зловещие признаки, как появление “отщепенцев” среди правящей элиты и изменение привычного паттерна государственного насилия (как в сторону усиления, так и ослабления), сами по себе не позволяют определить, последуют ли за выборами режимные трансформации, или такая трансформация не произойдет.

Возможно, задается вопросом автор, разница в поведении оппозиции? С одной стороны, если смотреть в долгосрочной перспективе, во всех полуавторитарных режимах, проводящих выборы, оппозиция выглядит раздробленной, скомпрометированной и непопулярной и меньше всего похожа на серьезный вызов власти. Однако если рассматривать короткие временные отрезки, то тактика оппозиции в шести странах, где выборы стали для режима роковыми, резко отличается от поведения оппозиции там, где режим пережил выборы без значительного ущерба для себя.

Что же это за чудодейственная тактика, позволяющая оппозиции прийти к власти во время или по итогам электоральных кампаний? Автор перечисляет следующие признаки: победы на локальных выборах, в основном в крупных городах, в годы, предшествующие общенациональным выборам (генеральные репетиции перед решающей победой). Во время общенациональной выборной кампании оппозиция объединяется, выдвигает единых кандидатов и партии, сотрудничает с гражданскими НКО, активизирует регистрацию избирателей и явку (что приводит к общему росту участия), организует молодежное движение или использует уже существующее, а также координирует сеть наблюдателей за чистотой проведения выборной кампании и подсчета голосов. А в более жестких автократиях, таких, как Сербия, еще одним слагаемым успеха стало налаживание связей с сочувствующими в армии и силовых структурах.

Этот перечень явно не похож на список секретных рецептов и скорее вызывает в памяти русскую поговорку “Всяк знает, что воскресенье праздник”. Кто не согласится, что хорошо выступать на выборах единым фронтом, сотрудничать с гражданским обществом, активизировать своих сторонников, заручиться поддержкой молодежи и организовать побольше наблюдателей? Но оппозиция, которая в состоянии провести такую масштабную и грамотную общенациональную кампанию, уже не является ни раздробленной, ни слабой, ни скомпрометированной в глазах общества. А режим, который допускает, чтобы его оппоненты год за годом одерживали значимые победы в крупных городах, — уж точно не консолидированная диктатура. С другой стороны, всем памятливы примеры оппозиционных движений, которым удалось что-то из этого списка — сотрудничество с НКО, движение наблюдателей, молодежная база, как в России, или даже победы в крупных городах, как в Венесуэле, но ни к какой смене режима это пока не привело.

Автор отмечает еще один фактор: череда успехов режима может усыпить его бдительность, а оппозиция учится на предшествующих ошибках. Однако после 2005 года элемент неожиданности в оппозиционных тактиках снизился, а автократы стали учиться друг у друга и принимать превентивные меры для герметизации возможных щелей в конструкции режима: ужесточать политику по отношению к НКО, ограничивать или запрещать иностранное финансирование и затруднять глобальные контакты в целом, пытаться организовать цензуру в интернете, цементировать единство элит допуском новых групп к распределению ресурсов. Таким образом, “ранние пташки” цветных революций успели демократизироваться (как Сербия и Грузия), а те, кто в первую волну не попал, наоборот, в рамках антиреволюционных мер сдвинулись в авторитарную сторону (как Россия).

Интересная деталь: хотя способность привести своих сторонников на выборы — одно из условий успеха оппозиции, в годы, предшествовавшие цветным революциям, наблюдалось ошутимое снижение явки.

Суммируя очевидные слабости российско-

го политического режима (высокая коррупция; низкая эффективность госуправления; экономический спад; противоречие между персонализацией правления и ослаблением институтов, что затрудняет делегирование ответственности за политические и экономические неудачи) и его сильные стороны (инерция долгого правления; периодическая политическая перезагрузка, синхронизированная с выборными циклами; персональная популярность лидера и отсутствие видимых альтернатив; успешное использование патристической риторики после 2014 года), Банс делает вывод, что слабости и уязвимые стороны — это одно, а вероятность цветной революции — совсем другое дело. Необходимых и достаточных условий для последней автор в сегодняшней России не видит. Их предпосылкой могли бы стать значимые успехи оппозиции на местных выборах и ее объединение на выборах общенациональных, но ничего подобного не происходит. В условиях авторитарного режима, ставящего целью удержание власти, неудачи оппозиции выглядят вполне предсказуемыми и почти неизбежными.

Что-то подсказывает, что такой вывод можно сделать и без предварительной научной подготовки. Сама идея ставить устойчивость режима в зависимость от применения или неприменения его противниками определенной тактики страдает некоторым логическим изъяном: пока режим достаточно силен, рецепты против него, почерпнутые из поваренной книги цветного революционера, либо неприменимы, либо неэффективны. А когда он ослабевает, то уже трудно понять, случилось это в результате действий оппозиции или под влиянием внутренних факторов, среди которых — наличие оппозиции, способной к консолидированным действиям. Кроме того, политический режим, сконцентрированный на цели собственного выживания, не ждет, когда тактика оппонентов его ослабит, а учится на ошибках и победах, своих и чужих. Причем учится он именно выживанию, а не экономической эффективности или качественному госуправлению — как признает Валери Банс, провалы по обоим этим направлениям вполне совместимы с долголетием режимов гибридного типа.

Примечания

- 1 BUNCE V. *The Prospects for a Color Revolution in Russia* // Daedalus. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P. 19–29. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/DAED_a_00431 (доступ 01.09.2017).
- 2 См. примеры русскоязычных публикаций на эту тему: URL: https://www.google.com/search?q=%22%D1%86%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8%22&lr=lang_ru&newwindow=1&tbs=lr:lang_1ru,sbd:1&tbm=bks&ei=2vaFWdTrOcbU9ftiaAM&start=80&sa=N&biw=1422&bih=699&dp=1.35 (доступ 31.08.2017).
- 3 ЗНЕРЕВКИН М. *In search of a theoretical approach to the analysis of the 'Colour revolutions': Transition studies and discourse theory* // Communist and Post-Communist Studies. 2009, June. Vol. 42, Issue 2. P. 199–216.
- 4 См., например, ГРЕШНИКОВ А. *Информационная война: зомбирование, мифы, цветные революции*. М.: Книжный мир, 2016.
- 5 HALLA S.G.F., AMBROSIO T. *Authoritarian learning: a conceptual overview* // East European Politics. 2017. Vol. 33, Issue 2.
- 6 LEVITSKY S., WAY L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- 7 ROBERTSON G. *Managing Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin's Russia* // Slavic Review. 2009. Vol. 68, №3. P. 528–547.
- 8 SVOLIK M. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York: Cambridge University Press, 2012.
- 9 MAGALONI B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press, 2007.
- 10 GEDDES B., WRIGHT J., FRANTZ E. *Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set* // American Political Science Association. 2014, June. См. URL: <http://sites.psu.edu/dictators/> (доступ 31.08.2017).
- 11 PETROV N., LIPMAN M., HALE H.E. *Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin* // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30, №1. P. 1–26.